

Софья Ямпольская

Образцы бытовой речи на мертвом языке: русский разговорник на иврите XIX в.

Статья посвящена анализу ивритской части бытовых диалогов, опубликованных в «Учебнике русского языка» Эпштейна (1869). Вопрос о степени «разговорности» vs «мертвости» иврита XIX в. остается открытым. Учебник Эпштейна дает в этой связи любопытный материал, не вписывающийся в общие представления о бытовании иврита. Особое внимание уделяется системе обращений. Почтительное обращение в 3-м лице рассматривается на примере широкого круга ивритских источников, сопоставляется с аналогичным явлением в польском и немецком. Возникнув в иврите ранее XVII в., обращение в 3-м лице исчезло в израильском иврите. Однако оно до сих пор используется в некоторых коммуникативных ситуациях, что можно трактовать как рудименты традиционных речевых навыков предшествующих столетий.

Ключевые слова: иврит, маскильский иврит, обращение, речевой этикет, обращение в 3-м лице, мертвый язык, разговорный язык.

Введение

Согласно традиционной истории иврита, в XIX в. он представлял собой мертвый язык, использовавшийся только в богослужении и высоких жанрах письма. В 1890-е гг., согласно той же истории, библейский иврит был возрожден на Святой Земле силами главным образом Элиэзера Бен-Иегуды, оживившего мертвый язык. Иврит XIX в., по мнению сторонников этой идеи, не только не использовался в бытовых регистрах, но и не имел необходимых средств для такого использования: ни бытовой лексики, ни синтаксиса, пригодного для бытовых диалогов.

Исследователи новой волны противопоставляют традиционному взгляду новые концепции [Wexler 1995; Seidman 1997; Izre'el 2001; Kuzar 2001; Zuckermann 2003; 2009; Харшав 2008; Glinert; и др.]. Эти интерпретации, весьма отличные друг от друга, имеют общие посылки, которые можно проследить на примере работ трех главных в этой области авторов: Поля Векслера [Wexler 1995], Шломо Изрееля [Izre'el 2001] и Гилеада Цукерманна [Zuckermann 2003; 2009]. Суть идеи можно свести к следующему: невозможно сделать разговорным языком сообщества язык мертвый, значит, перед нами не возрождение старого языка,

Софья Борисовна Ямпольская
Санкт-Петербургский
государственный университет
sonyaupamp@gmail.com

а создание языка нового. Иными словами, отклоняя идею чудесного оживления мертвого языка, все они в явной или неявной форме поддерживают тезис о том, что иврит предыдущего периода был языком мертвым и принципиально не разговорным.

Так ли был далек иврит XIX в. от бытового употребления? Существует много свидетельств того, что иврит в некоторых ситуациях (например, в общении евреев разных стран) или в некоторых местах (как, например, в общине итальянских евреев) использовался как язык устной коммуникации [Nagamati 1991; Elior 2013]. Но одно дело — свидетельства о том, что на иврите иногда говорили, и другое — возможность взглянуть на те самые разговорные тексты, которые порождались (точнее, могли породиться) на иврите, языке, как мы привыкли думать, непригодном для бытового использования в той форме, в которой он существовал до самого конца XIX в.

1. Учебник Эпштейна: общие сведения

Основным материалом для данной статьи послужил «Учебник русского языка», написанный на иврите Залкиндо́м Эпштейном и изданный в Варшаве в 1869 г. В XIX в. выходило довольно много подобных учебников: «Грамматика русского языка» Менахе́ма Мендела Левина (Вильна, 1846), получившие наибольшую известность многочисленные учебники Абрама Паперны 1860–1880-х гг. и др. Учебник Эпштейна выбран для настоящей статьи по двум причинам: во-первых, он содержит большую разговорную часть (30 диалогов); во-вторых, как кажется, он менее известен специалистам.

Большинство учебников русского языка на иврите создавались по образцу немецких грамматик и учебников Рафаэ́ля Кюнера, Генри́ха Оллендорффа и др. [Паперна 1869: V]: основную их часть составляло описание грамматики, в приложении давалась небольшая хрестоматия с текстами и часто — образцы писем.

Учебник Эпштейна имеет традиционное начало — русский алфавит и упражнения на чтение по слогам (с переводом на иврит и с ивритской транскрипцией русского текста): «по-ди сю-да», «по-дай лож-ку», «здѣсь всё у-жас-но до-ро-го» [Эпштейн 1869: 18–19], далее же никакой грамматики не следует вовсе. За этим идет «Боже, Царя храни!» с литературным переводом на иврит¹; отдельные группы слов и фраз по темам (31 параграф),

¹ Судя по материалам архива Цензурного комитета (список сочинений на еврейском языке с отметками, допущено или нет цензурой [РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 130. Л. 110–194]), больше половины

написанные в просветительской интонации — «по обѣим сторонамъ головы находятся уши» [Эпштейн 1869: 79]; короткие изречения (т.е. диалоговые фразы, объединенные темой, но не имеющие общего сюжета); наконец, разговоры — 30 диалогов на бытовые темы. Заключительная часть учебника представляет собой короткую хрестоматию с баснями и нравоучительными текстами (без указания автора), среди них — басни «Нищий и собака» И.И. Дмитриева, «Богач и бедняк» И.И. Хемницера, «Сочинитель и разбойник» И.А. Крылова, сказка «Четыре времени года» А.С. Шишкова и пр. Предисловие написано только на иврите, весь остальной текст — на русском и иврите параллельно.

В предисловии Эпштейн объясняет мотивы издания учебника: «Каждый сын Израиля должен знать язык страны рождения своего»¹ [Эпштейн 1869: 5] — в данном случае государственный язык Российской империи; это — одна из центральных идей гаскалы (еврейского Просвещения). Кроме того, он объясняет выбор иврита в качестве основного языка учебника. Почему не немецкий — основной язык всякой учебной литературы? Потому что тот, кто не учился немецкому специально, не сможет воспользоваться учебником. Почему не идиш — язык, доступный всем евреям? «Из-за недостатка слов и способов речи» он не годится для точной передачи богатства русского языка. Иврит же определяется как язык, с которым «вместе вырос или был воспитан» каждый еврей, с одной стороны, и который способен передать величие русского языка — с другой [Там же: 6].

2. Бытовая лексика в учебнике

Представление об иврите XIX в. как о мертвом языке базируется, в частности, на широко распространенном утверждении, что иврит того периода не имел бытовой лексики, необходимой для повседневных разговоров. Абрам Соломоник, семиотик и лингвист, работавший в Министерстве просвещения Израиля как главный методист по обучению ивриту взрослых, пишет о возрождении иврита следующее:

Предстояло возродить к жизни язык, исчезнувший как разговорный две тысячи лет тому назад <...>. Это как при операции по внедрению в организм отторгнутого в результате несчастного случая органа: попробуйте сделать такую операцию через продолжительное время. В сохранившемся языке совершенно отсут-

ивритских изданий XIX в. не допускались к печати как «безнравственные и политически вредные». Даже сочинения Бялика часто подлежали запрету [РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Д. 3. Л. 14]. Вероятно поэтому верноподданнические вставки — типичная примета ивритских изданий того времени.

¹ Оригинал на иврите; здесь и далее, если речь не идет о параллельных текстах, перевод мой.

ствовала общежитейская лексика, которую другие народы собирали постепенно за столь длительный промежуток времени [Соломоник 2011: 95–96].

Тем не менее в учебнике Эпштейна бытовая лексика широко представлена во всех разделах. Ниже приведены некоторые примеры, сгруппированные мной по четырем темам:

Обеденный стол	Спальня	Дом	Учеба
вилки с 2 зубцами	умывальный столик	доски	перо
вилки с 3 зубцами	таз	кирпичи	чернила
ножи	одеяло	кровля	карандаш
ложки	подушка	черепица	грифель
блюда	занавеска	листовое железо	линейка
тарелки	мыло	чердак	тетрадь
бутылки	мыльница	подвал	перочинный нож
салфетки	кувшин	известка	доска
скатерти	тюфяк	глина	мел
солонка	полотенце	житница	печать

Большую часть названий предметов повседневной жизни из учебника Эпштейна можно найти в словаре Ньюмана “English and Hebrew Lexicon composed after Johnson’s dictionary”, вышедшем в Лондоне еще в 1832 г. Этот англо-ивритский словарь содержит 15 000 слов, среди которых бытовая лексика составляет значительную часть [Newman 1832].

Действительно, предметы и явления повседневной жизни, которые существовали внутри еврейской традиционной культуры, имели названия на иврите: бытовая жизнь регулировалась религиозными правилами, сформулированными на этом языке; таким образом, у традиционного быта не должно было быть недостатка в бытовой лексике. Льюис Глинерт показывает на примере бестселлера «Сокращенный Шулхан Арух» [Ганцфрид 1864] не только то, что иврит имел в своем распоряжении огромное количество бытовой лексики (связанной с едой, одеждой, домашним хозяйством и т.п.), но и то, что лексика эта имела широкое хождение среди самого «простого» еврейского населения Восточной Европы [Glinert 1987]. Не хватать могло слов для обозначения новых предметов и понятий. С подобной проблемой сталкивается всякий «живой» язык, и всегда в этих случаях находятся решения: например, заимствовать

слово из соседнего языка — эта тактика как раз широко применялась в иврите того периода [Ямпольская 2015].

3. Тематика и персонажи диалогов

Нафтали Герц Тур-Синай, библеист, лингвист, первый президент Академии языка иврит, говорил в 1950 г. на юбилее Еврейского университета об иврите до «возрождения» следующее:

В нашей национальной традиции иврит был языком божественной литературы, высокой мудрости, Торы и философии <...>, но он не был языком повседневных забот, не был светским языком. Могли говорить и писать [на иврите] о предметах духовных или даже материальных, но только постольку, поскольку они были предметами философии (цит. по: [Glinert 1987: 40]).

Диалоги в учебнике Эпштейна не обнаруживают ни духовного, ни философского содержания, они представляют собой светские разговоры о погоде, родстве, благосостоянии и самочувствии, кушаньях и превратностях дороги, растопке печи и пр. Имея целью научить потенциального читателя-ученика разговорному светскому русскому языку, они раскрывают перед ним правила поведения в русском обществе: как, с кем и о чем подобает вести беседу.

Основные персонажи и тематика диалогов таковы: маменька и сын (три диалога) беседуют об успехах или неудачах последнего в учебе, перемежая диалог изъявлениями нежной любви друг к другу; диалог сына с отцом также посвящен учебе, но ведется в строгом тоне; господин встречает на улице барышню, они беседуют о знакомых и родственниках; два приятеля, встретившись, обсуждают дурное самочувствие одного из них, состояние дел и самочувствие родственников; учитель заболел, и ученики решают, за какими играми провести свободное время; двое приятелей-учеников обсуждают пристрастия и успехи друг друга в иностранных языках (немецком и французском); двое приятелей обсуждают третьего: он добрая душа, но болтун; диалог господина с хозяином трактира о выборе горячительных напитков; господин преподносит подарок своему другу, оба упражняются в красноречии, изъявляя друг другу чувства бесконечной любви и преданности; разговоры о хорошей и дурной погоде; диалоги, представляющие прием семейством гостей — с подробными описаниями процесса накрытия стола (хозяйка и слуга) и застольных бесед с гостями; диалоги, в которых господин, находясь в гостях у знакомого, пишет письма и обсуждает с ним письменные принадлежности; двое господ перемывают косточки третьему; двое приятелей обсуждают

знакомых и степени родства между ними; диалоги между господами о дороге и подробностях пути; приятели ужинают в гостинице, остаются там на ночлег, завтракают и беседуют с хозяйкой; диалоги заболевшего господина с доктором; разговор господина с мальчиком-слугой о растопке печи и другие распоряжения господина.

Как можно видеть, диалоги Эпштейна — светские разговоры светских людей, красивые и вежливые беседы, не касающиеся профессиональных занятий (разве что дети беспрестанно учатся в этих диалогах, взрослые же так или иначе проводят досуг).

Деловой (и более грубый) диалоговый регистр тоже существовал на иврите, по крайней мере в письменных текстах. Подобные разговорные фразы можно найти в приложении к иврито-немецкому¹ и немецко-ивритскому словарю [Mohr 1856] и письмовнику [Mohr 1888] Мора. Кроме уже известных нам по диалогам Эпштейна бесед о семье и здоровье, у Мора содержатся фразы более низкого регистра, в том числе описывающие торговлю. Ниже приведены некоторые примеры:

(1) כמה מחיר הדבר הזה?

‘Какова цена этой вещи?’

(2) מדוע לא תשלם לי?

‘Почему ты не платишь мне?’

(3) הקמח הוא כהה מאוד.

‘Эта мука очень темная’.

(4) החטים לחים ואי נקי.

‘Эти нитки сырые и не чистые’.

(5) אם קבלת את השעורים, אל תוסף שלוח לי דוחן.

‘Если ты получил ячмень, не посылай мне больше просо’.

(6) קניתי היום שלשה סוסים.

‘Я купил сегодня трех коней’.

(7) סוסיך חלשים מאד.

‘Твои кони очень слабые’.

(8) השורים רזים מאד, גם הפרות דקות בשר.

‘Эти быки очень тощи, и эти коровы тоже худы мясом’.

¹ Для фраз на немецком языке в этом издании, как и в большинстве еврейских изданий XIX в., используется еврейское письмо.

(9) מדוע לא תעשה את צפורניך? (9)

‘Почему ты не стрижешь свои ногти?’ [Mohr 1856: 172–175].

Таким образом, иврит XIX в. обладает большим запасом бытовой лексики. Разговорные темы, в которых мог использоваться иврит, как мы видели в разделе 2, широко представлены в разного рода текстах. Свидетельствует ли это о том, что иврит в некоторых специальных коммуникативных ситуациях регулярно использовался в устной речи? Пока еще нет. Ведь мы знаем, что существование бытовых диалогов возможно и на неразговорном языке. Примерами тому могут служить разговорники XVII–XIX вв., одним из языков которых была латынь [Nagy de Harfany 1672; Платс 1749; Capellanus 1890]. Если мы считаем латынь XVII–XIX вв. только письменным и неразговорным языком (что само по себе не бесспорно, ведь в Ватикане латынь звучала до недавнего времени), то латинские диалоги в подобных разговорниках мы можем воспринимать как *имитацию* разговорной речи.

Что отличает повествовательную речь от диалоговой и что при этом сложнее всего «подделать»? На мой взгляд, это правила речевого этикета, особенно если они имеют грамматическое выражение. Во всяком случае, именно это отличает иврит от латыни в диалогах XVIII–XIX вв.

Грамматически маркированное вежливое обращение (в русском *Вы* + согласование по 2 pl.) мы не найдем в латинских текстах разговорников, хотя оно будет присутствовать в вариантах тех же диалогов на русском, французском и немецком:

(10) *Я радуюся, государь мой, что съ вами здѣсь встрѣтился на дорогѣ. Гдѣ вы по сіе время были?*

Valde equidem, vir clarissime, gaudeo, quod hic per plateam in te incido. dic, quaeso, mihi, vbi perpetuum lateas?

Monsieur, je suis bien aise de vous recontrer ici en rue, où êtes vous toujours?

Mein Herr, ich bin erfreuet, Sie hier auf der Gaſſe anzutreffen, wo sind Sie immer? [Платс 1749: 10–11]

Как можно видеть, в трех языках (именно разговорных языках) есть грамматически маркированное вежливое обращение к собеседнику: русский — *вы, вами* (глагол в pl.); французский — *vous* (глагол во 2 pl.); немецкий — *Sie* (глагол в 3 pl.), в латыни же в этих случаях сохраняется местоимение ‘ты’ — *te* (глагол во 2 sg.).

4. Обращение в диалогах учебника Залкина Эпштейна

В современном израильском иврите нет, точнее почти нет грамматически выраженной вежливой формы (об этом «почти»

речь пойдет в разделе 8). Во всяком случае, такая форма не упоминается в известных мне учебниках и грамматиках. В общих грамматиках иврита предшествующих эпох также не содержится упоминаний о специальной вежливой форме обращения (выраженной не лексическими, а именно грамматическими средствами)¹.

В диалогах Эпштейна уважительное обращение к собеседнику (одному, мужского пола) грамматически выражается в использовании форм 3 sg.m/f. При этом обращение может быть выражено как словосочетанием, вершиной которого является существительное, — ‘господин мой’, ‘его честь’, ‘любезный друг мой’ и др. (11)–(12), (16)–(17), так и местоимением — ‘он/она’ вместо ‘ты’ (13)–(14). Иногда обращение может вовсе отсутствовать, но будет представлена глагольная форма в 3 sg. (18), т.к. иврит является продропным языком².

Обращение в 3 sg. с использованием существительного:

(11) יש לכבודו שכין טוב מאוד לעשות בו עט.

‘— **У вась** весьма хороши́й перочинный ножикъ’ (букв. ‘Есть у **его чести** очень хороший нож, чтобы выделывать им перо’).

(12) ?לא יסע אנה ואנה, אדוני?

‘— Не **ѣдете** ли **вы** куда, **Г. мой?**’ (букв. ‘Не **едет** ли куда-нибудь **господин мой?**’) [Эпштейн 1869: 147, 155]

Ниже приводится диалог между доктором и больным, в котором собеседники используют по отношению друг к другу косвенные формы местоимения 3 sg.m:

(13) אדוני, אני צייתי לקרוא אותו.

‘— Государь мой, я вельфль **вась** призвать’ (букв. ‘Господин мой, я приказал позвать **его**’).

מה זה נעשה לוי?

‘— Что **вамь** сдѣлалось?’ (букв. ‘Что это случилось с **ним?**’)

חולה אנכי, אדוני הרופא.

‘— Я боленъ, **Г. докторъ**’ (букв. ‘Болен я, господин мой доктор’).

¹ Исключение составляет монография Лили Кан, в которой упоминается вежливая форма обращения к собеседнику в 3 sg.m [Kahn 2014: 167–168]. Пользуясь случаем, благодарю Лили Кан, любезно предоставившую мне свою монографию.

² В продропных языках местоимение может опускаться в тех случаях, когда его можно восстановить из контекста (например, в итальянском и испанском, в отличие от французского и английского).

הכרת פניו ענתה בו, פניו רעים, מה זה יכאב לו?

‘— Это у **вась** видно, у **вась** видь дурень, что у **вась** бо-
литель?’ (букв. ‘Осмотр **его** внешнего вида говорит об этом,
вид **его** плох, что же болит у **него**?’)

יש לי חולי מעים.

‘— У меня желудокъ нездоровъ’ (букв. ‘Есть у меня боли
в кишках’) [Эпштейн 1869: 161].

В некоторых случаях герой может напрямую обратиться к со-
беседнику, используя местоимение ‘он’ и глагол в соответ-
ствующей форме, как, например, в диалоге между приятелями
за столом во время обеда:

(14) והוא לא יאכל מאומה, אדוני נ'.

‘— **Вы** ничего не кушаете, Г. N.’ (букв. ‘А **он** не ест ниче-
го, господин мой N.’)

מה זה לי?

‘— Что **вамъ** сдѣлалось?’ (букв. ‘Что это с **ним**?’) [Эп-
штейн 1869: 159]

Более того, в диалогах встречается форма вежливого обраще-
ния в женском роде — ‘она’. Так гости постоянного двора обра-
щаются к хозяйке:

(15) אדוני, אם נחה נפשכם במשתה הערב?

‘— Государи мои, довольны ли вы ужиномъ?’ (букв. ‘Гос-
пода мои, отдохнула ли ваша душенька за ужиномъ?’)

טוב בעינינו, גבירתנו.

‘— Довольны, судариня’ (букв. ‘Нам понравилось, го-
спожа наша’).

וכמה מחוייבים אנחנו לשלם לה?

‘— Сколько же мы должны **вамъ** заплатить?’ (букв.
‘А сколько мы должны заплатить **ей**?’) [Эпштейн 1869: 160]

Повелительное наклонение, кроме обычной формы (2 sg./pl.),
имеет уважительный вариант, который выражается формой
имперфекта 3 sg.m:

(16) כאשר אדוני יקרב אל הכפר הראשון, אז יפנה אל הימין.

‘— Когда **вы**, сударь, подѣдете къ первой деревнѣ, то **по-
воротите** въ право’ (букв. ‘Когда государь мой прибли-
зится к первой деревне, тогда **пусть он повернет** [3 sg.] на-
право’) [Эпштейн 1869: 156].

(17) **יבאר נא לי, ידידי הנכבד, מדרגת שארת בשר!**

‘— **Изъясните** мнѣ, другъ почтенный, степени родства!’
(букв. ‘**Пусть он**, пожалуйста, **разъяснит** [3 sg.] мне, почтенный друг, степень родства!’) [Эпштейн 1869: 152]

Обращение в 3 sg. может выражаться без существительных и местоимений, только с помощью соответствующей глагольной формы:

(18) **והנהר איפה יהיה לנו? האם רחוק הוא?**

‘— А рѣка гдѣ у насъ будетъ? Далека ли?’ (букв. ‘А река где будет у нас? Далека ли она?’)

אם אך יצא מן היער...

‘— Лишь только **выѣдете** из лесу...’ (букв. ‘Как только **выйдет** [3 sg.] из леса’) [Эпштейн 1869: 157]

Обратимся к социолингвистической стороне дела. Согласно одной из теорий вежливости, грамматически маркированные варианты обращений — T-V distinction — могут выражать (а) иерархические отношения, и в этом случае обращения неизбежно асимметричны: адресант обращается к адресату, используя вежливую форму (‘Вы’), и получает в ответ простую форму (‘ты’); либо же (б) равные отношения, в этом случае собеседники обращаются друг к другу одинаково, а выбор одного из вариантов (оба на ‘ты’ или оба на ‘Вы’) зависит обычно от степени официальности ситуации и дистанции между собеседниками [Brown, Gilman 1960].

В диалогах Эпштейна обращения, выражающие равенство / взаимное уважение собеседников, совпадают в русском и ивритском текстах.

Таблица 1

	друг	ученик	знакомый	господин	постоялец	незнакомец
Иврит	ты↓ ты↑	ты↓ ты↑	он↓ он↑	она↓ он↑	она↓ он↑	он↓ он↑
Русский	ты↓ ты↑	ты↓ ты↑	Вы↓ Вы↑	Вы↓ Вы↑	Вы↓ Вы↑	Вы↓ Вы↑
	друг	ученик	знакомый	барышня	хозяйка	незнакомец

Иерархические обращения, выражающие отношения вышестоящего и нижестоящего собеседников, не всегда совпадают в текстах на русском и на иврите.

Таблица 2

	господин	отец	мать
Иврит	ты↓ он↑	ты↓ ?↑	ты↓ ты↑
Русский	ты↓ вы↑	ты↓ вы↑	ты↓ вы↑
	слуга	сын	сын

В диалогах между отцом и сыном в тексте на русском языке отец обращается к сыну на ты, а сын к отцу на Вы. В тексте же на иврите сын избегает прямых обращений к отцу, так что определить лицо обращения (по местоимению либо глаголу) невозможно. Зато в разговорах сына с маменькой несовпадение речевого этикета в русском и ивритском текстах очевидно:

(19) שלום לך, אמי יקרת.

‘— Здравствуйте, маминька’, букв. ‘Мир тебе, дорогая моя мать’.

שלום לך, בני.

‘— Здравствуй, дитя мое’, букв. ‘Мир тебе, сын мой’.

אם ישנת במנוחה, אמי יקרת?

‘— Хорошо ли вы, маминька, почивали?’ (букв. ‘Спала [2 sg.] ли ты спокойно, дорогая моя мать?’) [Эпштейн 1869: 125]

Такое несовпадение может говорить о том, что Эпштейн, создавая диалоги, не просто следовал грамматике русского, но и учитывал речевой этикет иврита, наличие которого было бы странно в мертвом и неразговорном языке. Для того чтобы понять, откуда в учебнике Залкинда Эпштейна эта система речевого этикета, и определить, является ли она плодом его личного творчества или выражением устоявшейся в языке системы, необходимо обратиться к более широкому кругу ивритских текстов и посмотреть, как в них работают правила T-V различия.

5. Обращение в ивритской литературе и письмовниках XIX — начала XX в.

В художественной литературе на иврите XIX — начала XX в. диалоги персонажей обычно передаются во 2 sg. Однако в некоторых случаях можно встретить и вежливое обращение в 3 sg. Так, у Изака Цингера герой обращается к раввину:

(20) ויאמר לו האיש יאמר נא רבינו מה אתם רואים

‘И сказал ему человек: «Пусть, пожалуйста, скажет [3 sg.] наш раби, что вы видите»’ [Цингер 1900: 4].

В переводах художественной литературы на иврит формы обращения в 3 sg. иногда используются как аналог для русского Вы. Так, в переводе Бреннера «Преступления и наказания» русское Вы в диалогах персонажей обоего пола передается через 3 sg.m/f:

(21) מה דרוש לך? <...>

— Что угодно? (букв. ‘Что угодно ему?’)

משכון הבאתי, הנה!..

— Закладь принесть, вот-сь! (букв. ‘Заклад принесть, вот!’)

אבל הן הגיע כבר גם זמן הפרעון של החוב הקודם. החדש עבר כבר שלשום.

— Да вѣдь и прежнему закладу срокъ. Еще третьяго дня мѣсяць какъ минуль (букв. ‘Но вѣдь пришло уже время платежа за предыдущий долг. Месяць прошел еще третьяго дня’).

אני אשלם לה רבית בעד עוד חדש, תמתין לי.

— Я **вамъ** проценты еще за мѣсяць внесу; **потерпите** (букв. ‘Я заплачу **ей** проценты еще за месяц, пусть **она** подождет меня’).

זה כבר תלוי ברצוני הטוב, אבי, להמתין או למכור את המשכון שלו מיד.

— А въ томъ моя добрая воля, батюшка, терпѣть или вещь **вашу** теперь же продать (букв. ‘Это уже зависит от моей доброй воли, отец мой, ждать или продать заклад **его** немедля’) [Достоевский 1867: 9; 1924: 225].

Если в художественной литературе и даже в переводах на иврит обращение в 3 sg.m/f встречается сравнительно редко, то письменники — это тот жанр, в котором формы 3 sg.m/f являются неременной чертой уважительного обращения. В XIX в. ивритские письменники были популярны и широко востребованы, они выходили в карманном формате большими тиражами и многократно переиздавались. Письмовники могли состоять только из ивритских писем [Коган 1864; Долицкий 1883; 1894], могли содержать также тексты на немецком (в ивритской графике [Letteris 1856]) и русском [Фейгензон 1889], иногда добавлялся также польский язык [Паперна 1911]. С середины XIX в. начали появляться письменники с текстами на идиш [Nakhimovsky, Newman 2014: X].

Степень распространения обращения в 3 sg.m легко продемонстрировать иврито-немецким письменником [Найман 1827]: каждое письмо сначала дается на немецком языке (ивритской графикой), далее следуют два варианта перевода на иврит — более простой и более почтительный. Главное отличие двух этих переводов — формы обращения.

(22) Немецкий

וועהרטהעסטער פריינד! איך האבע דיא עהרע **איהנען** הירבייא
אינע שאכטעל טרויבען צו איבערשיקקען, ווען
זיא **איהנען** שמעקען זא שטעהען נאך מעהרערע צו דיעגסטען...

‘Дражайший друг! Я имею честь **вам** [3 pl.] при сем коробочку винограда препроводить, если она **вам** [3 pl.] понравится, то у меня есть еще более к [вашим] услугам...’

Иврит 1

אהובי היקר! הנה אנכי שולח לך בזה כלי עם אשכולות ענבים,
ואם יטעמו לך אלה, עוד רבים מהם מוכנים לך לאכלך.

‘Дорогой друг мой! Вот я посылаю **тебе** этим сосуд гроздей винограда, и если они придутся **тебе** по вкусу, еще многие из них готовы для тебя, чтобы **ты** ел’.

Иврит 2

אדוני! הנה אנכי שולח לו כלי זה עם מעט מאשכולות ענבים אשר
לי, למצוא חן בעיני אדוני. ואם יטעמו לו
אלה, עוד רבים מאלה מוכנים לו לאכלו.

‘Господин мой! Вот я посылаю **ему** этот сосуд с небольшим количеством гроздей винограда, которые [есть] у меня, чтобы понравились [они] **господину моему**. И если они придутся по вкусу **ему**, еще многие из них готовы для **него**, чтобы **он** ел’ [Найман 1827: 2–3].

Распределение форм 2 sg. и 3 sg. в письмовниках следующее. Семейная переписка ведется во 2 sg.: отец и сын переписываются преимущественно во 2 sg., формы 3 sg. по отношению к отцу встречаются крайне редко; переписка между братьями всегда ведется во 2 sg. В письмах к барышне также используется обращение во 2 sg. [Долицкий 1883: 25, 63]. Переписка между друзьями чаще ведется во 2 sg., но иногда и здесь встречается 3 sg.:

(23) אהובי היקר! הנה אנכי שולח לו כלי זה עם מעט תפוחים למצוא חן
בעיני אדוני.

‘Уважаемый друг! Честь имѣю прислать **вамъ** при семь ящикъ с яблоками’ (букв. ‘Дорогой друг! Вот я посылаю **ему** этот сосуд с немногими яблоками, чтобы [они] понравились **господину моему**’) [Фейгерзон 1889: 6–9].

Большая часть письмовников — это деловая переписка, в которой речь обычно идет о торговле самыми разными товарами, от меда до шелка. Около половины деловых писем написаны с обращением в 3 sg. При этом ответ на письмо, написанное во 2 sg., может содержать обращение в 3 sg. В следующем примере автор первого письма посылает деньги своему партнеру (обращение 2 sg.), тот же в ответ рассказывает о многочисленных несчастьях, свалившихся на его голову, подводя своего адресата к мысли о том, что деньги его не вернутся.

- (24) ואתה אחי, כבא המכתב הזה לידך, הואילה נא להשיבנו דברים אחדים לאמר: כספך הנה בא! – ובקנותך דבר מה בו, תשמחני בדבריך הנעמים ואז תגל נפש ידיך.

‘И ты, брат мой, как придет это письмо к тебе, будь любезен ответить мне несколькими словами: вот пришли твои деньги! — и покупая что-нибудь на них, обрадуй меня твоими приятными речами, и тогда возрадуется душа друга твоего’ [Mohr 1888: 8].

לכן יעשה עתה אדוני כחכמתו ויודיעני מה אעשה בדבר הזה, אך אל יתמהמה בתשובתו כי האנשים לא יתנו לי מנוח.

‘Поэтому пусть поступит [3 sg.] теперь господин мой сообразно мудрости его и сообщит мне, что́ мне делать с этим, но пусть не мешкает с ответом его, потому что люди эти не дают мне покоя’ [Mohr 1888: 9].

Самоучители Паперны тоже содержат письмовники, правда, они написаны по-русски и не имеют ивритского перевода, однако же в них есть множество сносок на иврите, поясняющих то или иное русское слово или выражение. По этим сноскам также можно видеть, что аналогом русского вежливого обращения на «Вы» в иврите было обращение в 3 sg.:

- (25) Отъ чистаго сердца желаю, чтобы Ваше Превосходительство еще не однажды праздновали день Вашего рожденья, на радость и утѣшеніе всѣхъ, имѣющихъ счастье окружать Вась...

להיות בסביבו

‘быть вокруг него’ [Паперна 1869: 121, сн. 5]

Несовпадение речевого этикета в русском, немецком и ивритском текстах письмовников случается весьма часто. В иврите чаще, чем в русском, используются формы 2 sg. Так, например, осуждать пьянство приятеля по-русски будут во 2 pl. (*Вы*), а на иврите в более интимном регистре 2 sg.

- (26) ואנכי אחי, מאשר בטחתי בך כי לא ירע בעיניך אם אגיד לך בלב תמים את מחשבתי עליך, הנני אומר לך: דרכי חייך לא טובים המה כי אתה הרבית לשתות תמיד אך יין ולא מיים...

‘Я должен Вамь откровенно сказать, — надѣюсь, Вы меня извините — Вашъ образъ жизни никуда не годится: Вы постоянно употребляли слишкомъ много вина и очень мало воды...’ (букв. ‘И я, брат мой, поскольку я доверился тебе, [в том] что не прогневаю тебя, если скажу тебе откровенно мысль мою о тебе, то вот я говорю тебе:

пути жизни **твоей** — нехороши они, потому как **ты** всегда пьешь очень много исключительно вино, а не воду...') [Фейгензон 1889: 8]

А вот просьба одолжить деньги на иврите всегда формулируется в письмовниках в 3 sg., что часто совпадает с русским *Вы*:

(27) במצוק אשר אנכי בו הפעם, לא ידעתי למי אפנה ואנה אנוסה
לעזרה כי אם אל איש יקר ונדיב לב כמוהו. ואוהב נאמן כאשר
הוא לי.

‘Находясь теперь в очень стѣснительномъ положеніи, я не знаю къ кому обращаться за помощью кромѣ **Васъ**, котораго я знаю как великодушнаго человѣка и лучшаго моего друга’ (букв. ‘В нужде, в которой я [пребываю] в этот раз, я не знал к кому обратиться и где попросить помощь, кроме как к [такому] дорогому и великодушно-му человеку, как **он**, и верному другу, каковым **он** [является] мне’) [Фейгензон 1889: 11–12].

6. Вежливое обращение в форме 3 sg. в польском языке

Как принято считать, основными доменами использования иврита до его возрождения были религия (чтение текстов в синагоге), традиционное образование (опять же — чтение текстов) и литература высоких жанров (научная и художественная). Казалось бы, для этих сфер использования языка нет никакой надобности в речевом этикете, необходимом именно в диалогической речи. Но поскольку мы знаем, что он все-таки существовал, естественно предположить, что правила речевого этикета в иврите были заимствованы из другого, живого и разговорного языка. Идиш на эту роль не годится, поскольку в качестве вежливого обращения в нем используется форма 2 pl. *יר* ‘Вы’ [Mark 1978: 241].

На первый взгляд, польский хорошо подходит на роль языка-источника. Действительно, в польском языке формальное обращение предполагает использование существительного *pan/pani* и глагола в форме 3 sg. (ср. неформальное 2 sg.). Однако несколько обстоятельств заставляют усомниться в том, что это мог быть польский. Келкевич-Яновяк [Kiełkiewicz-Janowiak 1990] исследовала модели обращения в польском языке XVIII в. на материале пьес и пришла к выводу, что обращения в форме 3 sg. употреблялись редко (1154 случая употребления форм 2 sg. и только 43 — форм 3 sg.), не систематически и встречаются либо в диалогах между хозяином и слугой, либо в ситуациях выражения раздражения на собеседника (ср. с немецким, раздел 7). В XIX в. большее распространение получили формы

2 pl. (на «Вы»), а обращения *pan/pani* использовались как с глагольными формами 2 sg., так и с формами 3 sg. [Kiełkiewicz-Janowiak 1998: 47–48]. Ниже приведены примеры из польской грамматики, написанной на немецком [Kleine Pole 1856], в которой уважительным формам немецкого языка (2 pl.) соответствует в польском обращение *pan*, а глагол согласуется то по 2 sg., то по 3 sg.

(28) *Czy umiesz [2 sg.] Pan jeździć konno?*

‘Умеешь [2 sg.] ли пан ездить верхом?’

Können [3 pl.] Sie reiten?

(29) *Czy pójdzie [3 sg.] Pan dzisiaj na teatr?*

‘Пойдет [3 sg.] ли пан сегодня в театр?’

Werden Sie heut in's Teater gehen? [Kleine Pole 1856: 119, 121]

Формы 3 sg. в польском XIX в. могли чередоваться с формами 2 pl. в рамках одной реплики, чего мы не встречали в иврите:

(30) — *Co to za wieści waszmość przywiózł [3 sg.]? Nie oddalajcieże [2 pl.] mnie. Będę was [2 pl.], ile się godzi, pocieszać, albo zapłaczę z wami [2 pl.]...*

— Какие же вести привезли **вы, ваць-пане**? Не удаляйте меня! Я постараюсь утешить **вас** по мере сил, или заплачу вместе с вами... (букв. ‘Что за вести ваша милость **привез** [3 sg.]? **Не удаляйте** [2 pl.] же меня. Я буду **вас** [2 pl.], по мере сил, утешать, или заплачу с **вами** [2 pl.]...’) [Sienkiewicz 1963: 2; Сенкевич 2012: 3]

В ивритских письмовниках регулярное использование форм 3 sg. мы видим уже в начале XIX в. (например: [Нейман 1827], причем это третье издание письмовника, а значит, первое издание вышло в начале XIX в., когда в польском обращении в форме 3 sg. не было распространено). В этом свете представляется маловероятным, чтобы влияние польских обращений в 3 sg. привело к регулярному и систематическому использованию форм 3 sg. в иврите. Кроме того, есть одно существенное отличие использования вежливых форм 3 sg. в польском и иврите, а именно: польский не допускает использование местоимения в 3 sg. при обращении — только существительного.

(31) *Smutku zaś mojego powody samemu tylko waszmości opowiedzieć mogę.*

Но причину моей печали я могу рассказать только **вам** (букв. ‘Печали же моей причину саму только **вашей милости** поведать могу’) [Sienkiewicz 1963: 2; Сенкевич 2012: 3].

7. Вежливое обращение в форме 3 sg. в немецком языке

Еще один вероятный язык — источник для обращений в 3 sg. в иврите — немецкий, в частности потому, что влияние немецкого языка, по крайней мере в XIX в., на иврит было заметным [Ямпольская 2015: 94]. В современном немецком различаются формальное обращение *Sie* (3 pl.) и неформальное *du* (2 sg.). В XVII–XIX вв., кроме обращения *du*, в немецком существовало два варианта формального обращения [Salmons 2012: 325–326]: в форме 2 pl. (*Ihr*) и в 3 sg. (существительное + соответствующий глагол (32)), что совпадает с польским речевым этикетом в тот же период, но расходится с ивритом, в котором формы 2 pl. не использовались в качестве формального обращения к одному собеседнику:

(32) *Ist* [3 sg.] *der Herr auch in dem Weinberge gewesen?*

‘Был ли господин в Виннице?’ [Moneta 1738: 172]

Кроме того, формы 3 sg. с использованием местоимения *Er* в немецком языке XVIII в. употреблялись в разговоре с адресатом, имевшим более низкий социальный статус [Beleké 1840: 43], и, таким образом, имели не уважительное, а скорее уничижительное значение. Именно в таком значении использует его Фауст, обращаясь к Мефистофелю:

(33) *Mein Herr Magister Lobesan,
Laß Er mich mit dem Gesetz in Frieden!
Und das sag ich Ihm kurz und gut <...>*

Напрасный труд, мой милый гувернер.

Я обойдусь без этих наставлений.

Но вот что заруби-ка на носу <...>

(букв. ‘Мой господин досточтимый магистр, пусть он оставит меня с этим законом в покое! Вот что скажу я ему в итоге <...>’) [Goethe 1836: 176; Гете 1982: 112].

8. Обращение в форме 3 sg. в иврите до и после XIX в.

Иоганн Буксторф, христианский ученый, занимавшийся Талмудом и другими еврейскими текстами, написал среди прочего сочинение на латыни под названием “*Institutio epistolaris hebraica*” [Buxtorf 1610], в котором анализировал ивритское эпистолярное красноречие, приводя множество примеров из писем, почерпнутых им из трех еврейских письмовников XVI в.¹: [Igrat shlomim 1534; Megilat sefer 1552; Arkevolti 1553]. В главе, посвященной принятым в ивритских письмах привет-

¹ Подробно о жанре ивритских письмовников с XVI по XIX в. см. в монографии [Галеви-Цвик 1990].

ствиям, наряду с обращениями во 2 sg., мы находим много обращений в форме 3 sg.

- (34) הנני נותן לו את בריתי שלום לאהובי איש חיל רב פעלים האלוף
אבי החכמה כמהר"ר יצחק יצ"ו וכל המצורף אל מ"כ.

‘Вот я даю **ему** мой завет мира, другу моему, мужественному, многодеятельному человеку, вельможе, отцу мудрости, уважаемому нашему учителю Ицхаку, да сохранил **его** Твердыня [=Бог] **его** и дарует жизнь **ему** и всем близким к **его** светлости’.

- (35) לראש או למנהיג

‘Главе или предводителю’

ראש הגבורים דובר מישרים אמרים טהורים בלי עון ושקרים אל
קרנו ירים לדור דורים המרומם אדוני, יתגדל תפארתו ויתרומם
ממשלתו וירבה שלותו כשמש בגבורתו ויתברך בבואו ובצאתו.

‘Предводитель героев, глашатай праведных, чистый словами, лишенный греха и лжи, да возвеличит Бог **его** во веки веков, высочайшего господина моего, да вознесется **он** славой **его**, и да возвысится **он** правлением **его**, и да умножит **он** покой **его** как солнце в могуществе **его** и да будет благословен **он**, приходя и уходя’ [Buxtorf 1610: 19–20].

Таким образом, модель вежливого обращения в 3 sg. — старое явление, присущее ивриту до возможного влияния польского и немецкого: в польском языке отдельные формы обращений в 3 sg. фиксируются с XV в., но они не использовались систематически вплоть до конца XVIII в. [Kiełkiewicz-Janowiak 1998: 46–47]; в немецком языке с IX в. известно использование уважительных форм 2 pl. [Hickey 2003: 402], формы же 3 sg. появляются только в конце XVI в. [Besch 1998: 94].

Государственным языковым планированием в отношении иврита в Палестине, а позже в Израиле занимались люди, имевшие в большинстве своем социалистические взгляды, которые предполагали социальное равенство в обществе. В языке это выразилось в том, что формы обращений в 3 sg. не были наследованы израильским ивритом (ср. ориентированные на классическую латынь попытки удалить из французского языка обращение на *vous* в годы Французской революции [Anderson 2007: 77]): они не попали в образовательную систему для детей и для эмигрантов, они не упоминаются в известных мне грамматиках и учебниках, и они неизвестны обычному израильтянину. Формы 3 sg. обращений еще встречаются в варшавском

письмовнике (приложение к разговорнику) Аарона Лейба Бысько 1926 г.:

(36) אתמול באתי לביתו בשעה הרביעית אחר הצהריים לפי הזמנתו
הנכבדה לראות אותו...

I yesterday called on **you** about four in the afternoon in consequence to **your** kind invitation to come to see **you**...

‘Вчера я пришел в дом **его** в четвертом часу по полудню согласно **его** любезному приглашению увидеть **его**...’
[Бысько 1926: 120–121]¹

Но в письмовнике Хасидова (деловая и официальная переписка), вышедшем в 1964 г. в Иерусалиме, их уже нет [Хасидов 1964].

Если в XIX в. обращение в 3 sg. широко используется в светских текстах (см. разделы 4 и 5), то в XX в. оно исчезает из секулярной сферы, однако сохраняется в религиозном дискурсе — явление малоизвестное и не отраженное в научной литературе. Так, в «Игрот кодеш» — 15-томном собрании переписки любовического ребе Менахема Мендела Шнеерсона — большинство обращений к адресату написаны в форме 3 sg.m:

(37) ולקראת חג המצות הבא עלינו ועל כל ישראל לטובה הנה יחוגו
אותו הוא וכל ב"ב שיחיו בכשרות ובשמחה.

‘И в преддверии праздника мацоис, идущего на нас и на весь Израиль к добру, пусть празднуют его **он** [т.е. Вы] и все члены семьи **его**, чтобы жили **они** [т.е. Вы] праведно и радостно’ [Шнеерсон 1954: 21].

Более того, устное обращение в 3 sg. сохраняется в традиционной культуре до сегодняшнего дня: так принято обращаться к раввину, будь то ученик в ешиве (‘он’ — ‘ты/он’), другой раввин (‘он’ — ‘он’) либо члены еврейской религиозной общины (в зависимости от статуса ‘он’ — ‘ты/он’). Мне не удалось найти описаний бытования этих обращений в научной литературе, поэтому пришлось прибегнуть к опросу экспертов². Из ответов информантов следует, что обращение в 3 sg. регулярно исполь-

¹ В польском и идишском варианте этого письма используются формы 2 pl. [Бысько 1926: 119].

² Я собрала четыре первичных устных интервью и девять письменных интервью у раввинов и людей, учившихся в ешивах. Мои письма были написаны на иврите с обращениями в 3 sg., что не вызывало удивления адресатов, получить же аналогичное обращение в ответ у меня не было шансов, поскольку согласно сегодняшней практике их использования для этого надо как минимум быть мужчиной и раввином. Тем не менее все опрошенные подтвердили существование подобной языковой практики и привели примеры обращений в форме 3 sg., некоторые из которых даются в тексте. Пользуясь возможностью, выражаю свою глубокую признательность информантам за помощь и сотрудничество.

зуются в устной речи и иногда на письме, что диктуется правилами этикета в традиционных еврейских общинах. Ниже приведены некоторые примеры:

(38) לא הבנתי את דברי הגמרא, הרב יוכל להסביר לי?

‘Я не понял слов Гемары, **учитель** сможет [3 sg.] объяснить мне?’

(39) הרב ראה את מה שכתוב כאן?

‘**Учитель** видел [3 sg.], что написано здесь?’

(40) הרב אמר לי ...

‘**Учитель** сказал [3 sg.] мне...’

(41) אני אשמח אם הרב יוכל לבוא.

‘Я буду признателен, если **учитель** сможет [3 sg.] прийти’.

В рамках еврейской традиции модель специально маркированного почтительного обращения к учителю как к человеку, стоящему выше, чем отец, зафиксирована в разных текстах, например, в кодексе Маймонида «Мишне тора» [Маймонид 1862: 19]. Обращение к учителю в 3 sg. считается древней традицией, истоки которой видятся в Талмуде. В трактате «Брахот» (лист 27б) рабби Иеремия бар Аба обращается к учителю во 2 sg. вместо 3 sg., из чего заключают, что рабби Иеремия не был вовсе учеником этого учителя (иначе он бы обратился в 3 sg.), а был лишь знатоком Торы¹ [Талмуд 1860: 27б].

Рудиментами почтительного обращения в 3 sg. в современном светском иврите являются формулы обращения к судье (כבודו ‘его честь’ или כבוד השופט ‘честь судьи’), глагол при этом обычно будет стоять в форме 2 sg., таким образом, в этих случаях грамматическая модель вежливого обращения не сохраняется.

Заключение

Учебник русского языка Эпштейна, содержащий 30 сюжетных диалогов на русском языке с параллельным текстом на иврите, представляет собой уникальный материал, не вписывающийся в привычные представления об истории иврита. Во-первых, он содержит значительное количество бытовой лексики, что вместе с выработанными в иврите XIX в. устойчивыми моделями заимствования слов для новых понятий противоречит идее о катастрофической нехватке этой лексики на рубеже XIX–XX вв. Во-вторых, тематика диалогов данного учебника, как

¹ Автор благодарит за эту ссылку и разъяснения рабби Элияху Зини, главу ешивы «Ор вишуа» в Хайфе, и рабби Амира Дадванда из ешивы «Кисэ рахамим» в Бней-Брак.

и диалоговых текстов из пособий Мора [Mohr 1856; 1888], показывает, что разговоры на иврите могли охватывать широкий круг бытовых тем — по крайней мере, в языке не было тому препятствий.

В то же время нам известны многочисленные разговорники, одним из языков которых была латынь — язык, который принято считать мертвым и неразговорным в XIX в. Единственное, что отличает латинские тексты в разговорниках, — это отсутствие грамматически выраженного речевого этикета, каковой присутствует в тех же диалогах на других, разговорных языках: русском, немецком и французском [Платс 1749].

В ивритском тексте диалогов Эпштейна наблюдается последовательная система грамматически явленного речевого этикета, не всегда совпадающая с использованием уважительного *Вы* в русском; ключевой чертой этой системы является почтительное обращение к собеседнику в 3 sg.m/f (на «он/она») с соответствующими формами глаголов и местоимений. Те же модели вежливых обращений мы находим во множестве ивритских письмовников и иногда в оригинальной и переводной литературе. Предположение о том, что данная система речевого этикета в иврите является результатом влияния польского или немецкого языков, не находит подтверждений. В иврите мы ее видим еще в XVI в. ([Buxtorf 1610] базируется на письмовниках XVI в.), когда в польском обращение в 3 sg. не имело широкого употребления, в немецком же обращение на «он» известно с XVII в., и с использованием местоимения *Er* значение его было обратным (уничижительным, а не уважительным).

Этикетное обращение в форме 3 sg. не было наследовано современным израильским ивритом: оно отсутствует в учебных пособиях для детей и для эмигрантов и в грамматиках, оно неизвестно обычному носителю. Тем не менее почтительное обращение в форме 3 sg. с соответствующим глагольным согласованием до сих пор регулярно используется в одном очень узком контексте бытования иврита — в традиционных ешивах и ортодоксальных еврейских общинах при обращении ученика к учителю ('он' — 'ты') и иногда в диалоге раввинов друг с другом ('он' — 'он'). Сфера употребления обращения на «он» крайне сузилась по сравнению с XIX в., когда оно использовалось в светских и деловых текстах, но в этой маргинальной, с точки зрения государственного языка, сфере оно существует до сегодняшнего дня.

Таким образом, перед нами парадоксальная картина: разговорный иврит до «возрождения» (и после его «смерти» в незапамятные времена) — это язык (или регистр языка), которого никогда не было, но который до сих пор существует. Если бы

на иврите не говорили в ешивах в XIX в. (а говорили бы только на идиш), то сейчас в современных ешивах (и ортодоксальных общинах) говорили бы на современном иврите, на том языке, передача которого регулируется государственными механизмами и в котором нет обращений в форме 3 sg. Остается предположить, что вместе с культурными и религиозными традициями там сохранились и некоторые речевые нормы иврита XIX в., причем нормы эти были присущи не только религиозному, но и светскому дискурсу. Более того, тот факт, что в иврите в какой-то момент (не позднее XVI в.) появилась¹ система грамматически выраженного речевого этикета, ставит под сомнение наши представления о том, что иврит был только письменным и неразговорным языком на протяжении двух тысяч лет, поскольку нам неизвестны примеры мертвых языков, в которых развилась бы подобная система.

Список сокращений

- 2 sg. — второе лицо, единственное число
 2 pl. — второе лицо, множественное число
 3 sg. — третье лицо, единственное число
 3 pl. — третье лицо, множественное число
 f — женский род
 m — мужской род

Архивные материалы

- РГИА. Ф. 776. Оп. 11. Д. 130. Л. 110–194. Алфавитный список сочинений на еврейском языке с отметками, допущено или нет цензурой. 1873 г.
 РГИА. Ф. 777. Оп. 5. Д. 3. Л. 14. Санкт-Петербургский Цензурный комитет. Дело о запрещении к печати сочинений на еврейском языке. 1904 г.

Источники

- [Бысько 1926] ביסקא א. ל. שיחון אנגלי עברי יהודי פולני. מהודור שלילית. [Бысько А.Л. Англо-иврито-идиш-польский разговорник. 3-е изд. Варшава: Изд-во Т. Якубсон, М. Гольдберг, 1926. 157 с.] (на иврите).
 [Ганцфрид 1864] גנצפריד ש. קיצור שולחן ערוך. [Ганцфрид Ш. Сокращенный Шульхан Арух. Унгар: Тип. Карла Егера, 1864. 144 с.] (на иврите).
 Гете И.В. Фауст / Пер. Б.Л. Пастернак. М.: Московский рабочий, 1982. 510 с.

¹ В библейском иврите мы не находим речевого этикета, выраженного грамматически. Обращения в форме 3 sg. встречаются несколько раз, но не носят регулярный характер.

- [Долицкий 1883] דאליצקי מ.מ. שבט ספר. [Долицкий М.М. Шэвет софер. Вена: Тип. Георга Брага, 1883. 152 с.] (на иврите).
- [Долицкий 1894] דאליצקי מ.מ. ניב שפתיים: מאתים וחמשה עשר מכתבים לבני הנעורים ולכל איש החפץ למשך בשבט ספר בשפת עבר. [Долицкий М.М. Изречения: двести пятьдесят писем для молодежи и для каждого, желающего упражняться в изящной словесности. Нив сфатаим т.е. письмовник. 4 изд. Вильна: Тип. вдовы и бр. Ромм, 1894. 176 с.] (на иврите).
- Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. СПб.: Изд-во А. Базунова, Э. Праца и Я. Вейденштрауха, 1867. Т. 1. 420 с.
- [Достоевский 1924] ה.י. ברנר. החטא וענשו, רומן בששה חלקים עם אפילוג. [Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом / Пер. Й.Х. Бренер. Варшава: Изд-во Штыбеля, 1924. 550 с.] (на иврите).
- [Коган 1864] [Коган Ш. Кесав йошер. Вильна: Тип. Р.М. Ромма, 1864. 174 с.] (на иврите).
- [Маймонид 1862] [Маймонид М. Мишне тора. Берлин: Изд-во Юлиус Зиттенфельд, 1862. 210 с.] (на иврите).
- [Найман 1827] ניימן מ.ש. ספר מכתבי עברית אדר עברעאישער אונד דייטשער [Найман М.Ш. Книга ивритских писем или еврейский и немецкий письмовник. 3-е изд. Прага: Тип. Ландау, 1827. 160 с.] (на иврите).
- Паперна А.И.* Самоучитель русского языка. Книга грамматическо-практическая, примененная к общественному и коммерческому быту евреев. = פאפירנא א.י. מורה שפת רוסייה. Варшава: Тип. И. Гольдмана, 1869. 142 с.
- Паперна А.Я.* Совершенный письмовник: иврит, русский, польский, немецкий, включающий разные письма на все случаи жизни. = אגרון שלם: עברית, רוסיית, פולנית ואשכנזית: כולל מכתבים שונים. פאפירנא א.י. פפירנא א.י. לכל צרכי החיים Варшава: Контарович, 1911. 72+132 с.
- Платс Г.Ф.* Dialogues domestiques = Gespräche von Haus-Sachen = Домашние разговоры = Colloquia domestica (французские, немецкие, русские и латинские). СПб.: Печатаны при Имп. Акад. наук, 1749. 231 с.
- Сенкевич Г.* Пан Володыевский / Пер. В.А. Шуляковский, В.А. Высоцкий. М.: Седьмая книга, 2012. 1099 с.
- [Талмуд 1860] [Вавилонский Талмуд. Трактат Брахот. Лемберг: С. Бак и А. Менкес, 1860. 616 с.] (на иврите).
- Фейгензон Н.* Михтов мешулош. = מכתב משולש. Вильна: Тип. вдовы и бр. Ромм, 1889. 166 с.
- [Цингер 1900] [Цингер И. Счастливый. Рава-Русская: Изд-во Ш. Дайчера, 1900. 28 с.] (на иврите).
- [Хасидов 1964] [Хасидов Э. Канцелярская и торговая переписка. Иерусалим: Из. Ш. Зак, 1964. 256 с.] (на иврите).

- [Шнеерсон 1954] שניאורסון מ.מ. אגרות קודש. [Шнеерсон М.М. Игрот кодеш. Нью-Йорк: Карнэ ход тора, 1954. Т. 11. 445 с.] (на иврите).
- Эпитейн З.* Месилоф галимод, или Учебная книга русского языка с переводом на еврейской язык для евреев. = מפשטיין ז. מסילת. הלמוד או ספר ללמוד לשון רוסיא עם העתקה אל לשון עברי לעברים. Варшава: Тип. Шрифтгиссера, 1869. 224 с.
- [Arkevolti 1533] ארקוואלטי ש. מעיין גנים. [Arkevolti Sh. Maayan ganim. Venice: S.n., 1533. 90 p.] (на иврите).
- Buxtorf J.* Institutio epistolaris hebraica cum epistolarum hebraicarum familiarum centuria. Basileæ: Conrad Waldkirch, 1610. 279 p.
- Capellanus G.* Sprechen Sie lateinisch? Moderne Conversation in lateinische Sprache. Leipzig: A. Koch, 1890. 107 S.
- Goethe J.W.* Faust // Goethe J.W. Sämmtliche Werke. P.: Tetot Freres, 1836. Bd. 2. S. 62–107.
- [Igrot shlomim 1534] אגרות שלומים. [Letters of Greeting] Basel: S.n., 1534. (на иврите).
- Kleine Pole oder die Kunst die polnische Sprache in einigen Tagen verstehen, lesen, schreiben und vollkommen richtig sprechen zu lernen. 4te Aufl. B.: S.n., 1856. 107 S.
- Letteris M.* Hebräisch-deutscher briefsteller (Michtowe iwris). 6te Aufl. Wien: Verlag fon Knöpflmacher's Buchhandlung, 1856. 296 S.
- [Megilat sefer 1552] מגילת ספר. [Megilat sefer]. Venice: Daniyel ben Korniliuy Adel Kind, 1552. 88 p. (на иврите).
- Mohr A.M.* Har Zion. = מאהר א.מ., וואלף מ. הר ציון. Lemberg: Gedruckt bei M.F. Poremba, 1856. 184 S.
- [Mohr 1888] מאהר א.מ. הר ציון כמו אוצר השרשים. [Mohr A.M. Har Zion kemo otser ha-shorashim. Lemberg: Israel David Zis, 1888. 180 p.] (на иврите).
- Moneta J.* Enchiridion Polonicum, oder Polnisches Hand-Buch. Danzig: S.n., 1738. 696 S.
- Nagy de Harfany J.* Colloquia familiaria Turcico Latina. Brandenburg: Typis Georgij Schultzij, 1672. 510 p.
- Sienkiewicz H.* Pan Wołodyjowski. Warszawa: P.I.W., 1963. 619 p.

Библиография

- [Галеви-Цвик 1990] הלוי צוויק י. תולדות ספרות האגרונים (הבריוונשטעלערס) [Галеви-Цвик Е. История литературы письменников на иврите (XVI–XX вв.). Тель-Авив: Папирус, 1990. 324 с.] (на иврите).
- Соломоник А.* Жизнь, смерть и возрождение языков // Язык иврит: исследования и преподавание. Мат-лы XVIII междунар. конф. по иудаике / Отв. ред. В.В. Мочалова. М.: Центр «Сэфер», 2011. (Академическая серия. Вып. 38). Т. 5. С. 80–105.
- Харшав Б.* Язык в революционное время / Пер. Л. Черниной. М.: Текст, 2008. (Чейсовская коллекция). 477 с.

- Ямпольская С.Б.* Автономизмус, социализмус и идиотизмус: европеизмы в иврите, 1917–1918 // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 90–109.
- Anderson J.M.* Daily Life During the French Revolution. 18th ed. Westport: Greenwood Press, 2007. 268 p.
- Belelé C.J.* A Grammar of the German Language: Systematically Arranged on a New Plan. Philadelphia: G.W. Mentz & Son, 1840. XII+228 p.
- Besch W.* Duzen, Siezen, Titulieren: zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. 160 S.
- Brown R., Gilman A.* The Pronouns of Power and Solidarity // Style in Language / Ed. by T.A. Sebeok. Cambridge: MIT Press, 1960. P. 253–276.
- Elior R.* Ivrit mi-kol ha-‘avarim // Leshon rabim: ha-ivrit ke-sefat tarbut / Ed. by Y. Benziman. Jerusalem: The Van Leer Jerusalem Institute; Tel Aviv: Hakibbutz Hameuchad, 2013. P. 43–72.
- Glinert L.* Hebrew-Yiddish Diglossia: Type and Stereotype Implications of the Language of Ganzfried’s Kitzur // International Journal of the Sociology of Language. 1987. № 67. P. 39–56.
- Glinert L.* Language: Hebrew // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. <<http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Language/Hebrew>>.
- Haramati Sh.* Arba’a she-qadmu le-Ven Yehuda ba-mea ha-19. Jerusalem: Vaad edat ha-sfaradim birushalaim ve-ha-mirkaz le-shiluv moreshet yahdut ha-mizrakh be-misrad ha-khinukh ve-ha-tarbut, 1991. 42 p.
- Hickey R.* The German Address System: Binary and Scalar at Once // Diachronic Perspectives on Address Term Systems / Ed. by I. Taavitsainen, A.H. Jucker. Amsterdam: John Benjamins, 2003. (Pragmatics and Beyond. New Series. Vol. 107). P. 401–425.
- Izre’el Sh.* The Emergence of Spoken Israeli Hebrew // The Corpus of Spoken Israeli Hebrew (CoSIH). Working Papers 1, 2001 / Ed. by B. Hary <[http://www.tau.ac.il/~izreel/publications/Emergence_Hary2003\(corr\).pdf](http://www.tau.ac.il/~izreel/publications/Emergence_Hary2003(corr).pdf)>.
- Kahn L.* A Grammar of the Eastern European Hasidic Hebrew Tale. Leiden; Boston: Brill, 2014. (Studies in Semitic Languages and Linguistics. Vol. 77). XII + 438 p.
- Kie kiewicz-Janowiak A.* A Socio-Historical Study in Address: Polish and English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1990. 132 p.
- Kie kiewicz-Janowiak A.* Child-to-Parent Address Change in Polish // Language Change: Advances in Historical Sociolinguistics / Ed. by E.H. Jahr. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Vol. 104). P. 45–64.
- Kuzar R.* Hebrew and Zionism: A Discourse Analytic Cultural Study. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. 324 p.
- Mark Y.* Gramatik fun der yidisher klal-shprakh. N.Y.: Waldon Press, 1978. 405 p.
- Nakhimovsky A., Newman R.* Dear Mendl, Dear Reyzl. Yiddish Letter Manuals from Russia and America. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2014. 248 p.

- Newman S.* English and Hebrew Lexicon Composed after Johnson's Dictionary, Containing Fifteen Thousand English Words, Rendered into Biblical or Rabbinical Hebrew, or into Chaldee. To Which is Annexed a List of English and Hebrew Words, the Expressions and Meanings of Which Appear to Be the Same in Both Languages. L.: Printed for the author, 1832. 406 p.
- Salmons J.* A History of German. What the Past Reveals about the Language. Oxford: Oxford University Press, 2012. (Oxford Linguistics). 352 p.
- Seidman N.* A Marriage Made in Heaven: The Sexual Politics of Hebrew and Yiddish. Berkeley: University of California Press, 1997. 160 p.
- Wexler P.* The Slavonic "Standard" of Modern Hebrew // The Slavonic and East-European Review. 1995. Vol. 73. No. 2. P. 201–225.
- Zuckermann G.* Language Contact and Lexical Enrichment in Israeli Hebrew. L.; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 304 p.
- Zuckermann G.* Hybridity Versus Revivability: Multiple Causation, Forms and Patterns // Journal of Language Contact. 2009. Varia 2. P. 40–67.

Samples of Everyday Speech in a Dead Language: Russian Phrasebook in Hebrew of 19th Century

Sofia Yampolskaya

St Petersburg State University

Universitetskaya emb. 11, St Petersburg, Russia

sonyayamp@gmail.com

This article aims to analyze everyday Hebrew dialogues, printed in the *Manual of the Russian Language* by Zalkind Epshteyn (1869). The status of the Hebrew language of the 19th century — whether it was a dead language or not so much — still remains disputable. Within this framework, the manual represents a curious source that contradicts common knowledge on Hebrew language usage before its revival. The analysis of the manual begins with a survey on everyday Hebrew lexis (part 2) and on the dialogue topics (part 3). Enlightenment pragmatics of the book limited the possible variety of topics. Therefore dialogues describing communicative situations of a lower status, such as trade, for example, are quoted from other sources. For a key feature of conversational speech I have chosen the system of address form, which is outlined in part 4. Honorific forms of address, detected in the manual, were compared with corresponding forms in other Hebrew sources of the period (part 5), with T-V distinction in Polish (part 6) and German (part 7) languages. The article ends with a brief overview of T-V distinction in the Hebrew language of the former and following periods.

Keywords: history of modern Hebrew, Maskilic Hebrew, T-V distinction, forms of address, honorific forms in Hebrew, dead language, spoken language.

References

- Anderson J. M., *Daily Life during the French Revolution*. 18th ed. Westport: Greenwood Press, 2007, 268 pp.
- Beleké C. J., *A Grammar of the German Language: Systematically Arranged on a New Plan*. Philadelphia: W. Mentz & Son, 1840, XII+228 pp.
- Besch W., *Duzen, Siezen, Titulieren: zur Anrede im Deutschen heute und gestern*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998, 160 SS. (In German).
- Brown R., Gilman A., 'The pronouns of Power and Solidarity', Sebeok T. A. (ed.), *Style in Language*. Cambridge: MIT Press, 1960, pp. 253–76.
- Elior R., 'Ivrit mi-kol ha-'avarim' [Hebrew from All Sides], Benziman Y. (ed.), *Leshon rabim: ha-'ivrit ki-sefat tarbut* [Plural: The Hebrew as a Language of Culture]. Jerusalem: The Van Leer Jerusalem Institute and Tel Aviv: Hakibbutz Hameuchad, 2013, pp. 43–72. (In Hebrew).
- Glinert L., 'Hebrew-Yiddish Diglossia: Type and Stereotype Implications of the Language of Ganzfried's Kitzur', *International Journal of the Sociology of Language*, 1987, no. 67, pp. 39–56.
- Glinert L., 'Language: Hebrew', *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. <<http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Language/Hebrew>>.
- Halevi-Tsvik E., *Toldot sifrut ha-igronim (ha-brivnshtelers) ha-ivriim (mea 16–20)* [History of Literature of Hebrew Letter Books (16th–20th Centuries)]. Tel-Aviv: Papirus, 1990, 324 pp. (In Hebrew).
- Haramati Sh., *Arba'a she-kadmu le-Ven Yehuda ba-mea ha-19* [Four Predecessors of Ben Yahudah]. Jerusalem, Vaad edat ha-sfaradim birushalaim ve-ha-mirkaz le-shiluv moreshet yahdut ha-mizrakh be-misrad ha-khinukh ve-ha-tarbut, 1991, 42 pp. (In Hebrew).
- Harshav B., *Yazyk v revolyutsionnoe vremya* [Language in the Time of Revolution], Chernina L. (tr.). Moscow: Tekst, 2008, (Chase Collection), 477 pp. (In Russian).
- Hickey R., 'The German Address System: Binary and Scalar at Once', Taavitsainen I., Jucker A. H. (eds.), *Diachronic Perspectives on Address Term Systems*. Amsterdam: John Benjamins, 2003, (Pragmatics and Beyond, New Series, vol. 107), pp. 401–25.
- Izre'el Sh., 'The Emergence of Spoken Israeli Hebrew', Hary B. (ed.), *The Corpus of Spoken Israeli Hebrew (CoSIH)*, Working Papers 1, 2001. <[http://www.tau.ac.il/~izreel/publications/Emergence_Hary2003\(corr\).pdf](http://www.tau.ac.il/~izreel/publications/Emergence_Hary2003(corr).pdf)>.
- Kahn L., *A Grammar of the Eastern European Hasidic Hebrew Tale*. Leiden; Boston: Brill, 2014, (Studies in Semitic Languages and Linguistics, vol. 77), XII + 438 pp.
- Kiełkiewicz-Janowiak A., *A Socio-Historical Study in Address: Polish and English*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1990, 132 pp.
- Kiełkiewicz-Janowiak A., 'Child-to-Parent Address Change in Polish', Jahr E. H. (ed.), *Language Change: Advances in Historical Sociolinguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, (Trends in Linguistics, Studies and Monographs, vol. 104), pp. 45–64.

- Kuzar R., *Hebrew and Zionism: A Discourse Analytic Cultural Study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001, 324 pp.
- Mark Y., *Gramatik fun der yidisher klal shprakh* [A Grammar of Standard Yiddish]. New York: Waldon Press, 1978, 405 pp. (In Yiddish).
- Nakhimovsky A., Newman R., *Dear Mendl, Dear Reyzl. Yiddish Letter Manuals from Russia and America*. Bloomington: Indiana University Press, 2014, 248 pp.
- Newman S., *English and Hebrew Lexicon Composed after Johnson's Dictionary, Containing Fifteen Thousand English Words, Rendered into Biblical or Rabbinical Hebrew, or into Chaldee. To Which is Annexed a List of English and Hebrew Words, the Expressions and Meanings of Which Appear to Be the Same in Both Languages*. London: Printed for the author, 1832, 406 pp.
- Salmons J., *A History of German. What the Past Reveals about the Language*. Oxford: Oxford University Press, 2012, (Oxford Linguistics), 352 pp.
- Seidman N., *A Marriage Made in Heaven: The Sexual Politics of Hebrew and Yiddish*. Berkeley: University of California Press, 1997, 160 pp.
- Solomonik A., 'Zhizn, smert i vrozhdzenie yazykov' [Life, Death, and Revival of Languages], Mochalova V. V. (ed.), *Yazyk ivrit: issledovaniya i prepodavanie. Materialy XVIII mezhdunarodnoy konferentsii po iudaike* [The Hebrew Language: Research and Teaching. Materials of the 18th International Conference of Jewish Studies]. Moscow: 2011, (Academic Series, is. 38), vol. 5, pp. 80–105. (In Russian).
- Wexler P., 'The Slavonic "Standard" of Modern Hebrew', *The Slavonic and East-European Review*, 1995, vol. 73, no. 2, pp. 201–25.
- Yampolskaya S. B., 'Avtonomizmus, sotsializmus i idiotizmus: evropeizmy v ivrite, 1917–1918' [Autonomism, Socialism, and Idiotism: European Loan Words in Hebrew, 1917–1918], *Voprosy yazykoznanija*, 2015, no. 3, pp. 90–109. (In Russian).
- Zuckermann G., *Language Contact and Lexical Enrichment in Israeli Hebrew*. London; New York: Palgrave Macmillan, 2003, 304 pp.
- Zuckermann G., 'Hybridity Versus Revivability: Multiple Causation, Forms and Patterns', *Journal of Language Contact*, 2009, varia 2, pp. 40–67.